

Реквием стёртых илён

Лэри Мэри

Лэри Мэри

Реквием стертых имен

«Автор»

2026

Мэри Л.

Реквием стертых имен / Л. Мэри — «Автор», 2026

В мире, где судьба человечества висит на волоске, три девушки становятся его последней надеждой — и главной угрозой. Одна из них — обычная девушка, которая тайно работает детективом. Но как гениальный ум может быть пойман в масштабный сектантский заговор? Чего будет стоить хладнокровному детективу искренняя привязанность к близким? Другая — прямолинейная и дерзкая контрабандистка, которая хочет только одного: свободы. Но какую цену ей придётся заплатить за столь вольное желание в мире, где даже самые ловкие в конечном счёте оказываются в цепях? Как свяжет их судьба, когда на горизонте появится таинственная незнакомка, предрекающая скорый конец всего? Та, кто рождена на рассвете мира, вынуждена проживать сотни жизней, умирая вновь и вновь, чтобы отсрочить единственное предсказание — смерть всего сущего. Что их связывает на самом деле? И какова цена — остаться в истории этого мира? «Реквием стёртых имён» — мистический роман о жертве, свободе и выборе, который может изменить всё.

© Мэри Л., 2026

© Автор, 2026

Лэри Мэри

Реквием стертых имен

Глава 1

Пролог.

Часть 1.

Неизвестное время, неизвестное место, будущее.

Она огляделась; в голове глухо гудело. Что произошло? Кто она? На пересохших губах запеклась кровь. Ватные ноги едва слушались. Но стоило только встать...

— Ай...

Прохожий мужчина зацепил ее и, будто не заметив, пошел дальше.

— Что ты... — не успела мысль сорваться с женских губ, как он внезапно остановился и оглянулся.

Глаза смотрели будто сквозь нее, с каким-то благоговением и страхом — животным страхом. Но искаженное лицо потерялось в сотне других. Она была в толпе абсолютно незнакомых людей, которые будто не видели ее, но чувствовали нечто, отчего косились на нее. Воспоминания обрушивались, подобно цунами, открывая картины прошлого: голод, что пошатнул скелет мироустройства; войны, что выжгли все живое; чума, что первой пировала на костях. Вспомнила, как на землях царствовала смерть, но что потом? После конца? Новое начало? Все выжили или пали жертвами?

Она не знала, но, твердо встав на ноги, осознала, что что-то изменилось в этом мире навсегда. И в толпе смазанных лиц и силуэтов ее встретил взгляд. Да, цена уже оплачена, но кем становятся те, чьи имена стерли со страниц истории?

Часть 2.

На рассвете мира.

— Внимай моему гласу, *Fragmento Divino*¹. Пусть он воздаст тебе жизнью и душой. Ступай в зарождающийся мир, стань моим взором, моей волей — и заверши его судьбу.

— Матерь, Ваши глаза...

Крылатое существо протянуло руки к Истинному Свету.

— Денница, не позволяй темным сомнениям одолеть веру в нашу Матерь.

— Микаэль, ты верно ослеп, если не смог различить дочерние терзания и мрачные сомнения.

Ушей Истинного Света не достигли их слова. Её взор был устремлен к зарождающейся жизни в руках.

— Матерь, молю, позвольте сказать...

— Денница, ты только отвлечешь Создательницу.

Но крылатое существо не слушало. Неуверенно оно продолжало:

— Великая Матерь, этот эксперимент не стоит Вашего левого ока. Вы отдаете им слишком много — весь свой взор.

— *Дети мои*, — её глас мягко обволакивал бесконечное пространство, слышался отовсюду, проникал в самые потаенные частицы нутра. — *Dei voluntatem exsequens*² понесет плату. Таковы устои мироздания. Умирай вновь и вновь, чтобы на закате истории дописать последнюю строку.

Глава 1. Сотни жизней.

XIII век до нашей эры, Египет.

Одинокие лучи пробивались сквозь маленькие отверстия блоков, аккуратно сложенных под вид богатого дома. За столом сидела Безликая Провидица; она внимательно внимала следам бедной женщины. Вытирая слезы драной одеждой, та сжимала кулек у груди.

— Прошу, помогите! Я слышала, вы творите чудеса! Моему сыну не исполнилось и дня, а душа уже покинула его! Умоляю, ради святого Фараона, я принесу вам все, что скажете! Все мои скудные запасы, только взгляните на него! — ткань спала с мертвого лица новорожденного.

Казалось, та великая, о ком гудел весь Египет, которую благословлял сам Нил, — бездушная пустышка. Неужели она настолько черства, что не снизойдет к трагедии женщины только оттого, что та не может воздать ей столько еды и злата, как богачи? Неужели даже Великий Ра не вразумит ее? Видимо, ее старое тело иссохло вместе с тугой душой.

— Эва, — голос, подобно божественной мелодии, заставлял стихнуть даже людей с великой трагедией, — я не жрец и не несу в себе силы возвращать душу в тело, но... — вдруг из-под черной накидки показалась рука, молодая кожа была почти прозрачной. Мягкие пальцы аккуратно обвили костлявое запястье женщины. — Я вижу, что у всех женщин деревни родились мертвые младенцы. Ведаю, что Нил скоро станет подобен алой крови, погода безжалостно начнет убивать всех, насекомые пожрут весь урожай, смерть окутает эту землю... Беги и воззови сюда фараона, бедствие слишком близко. Тогда ты снова сможешь подарить новую жизнь и сама не отправишься в подземное царство...

Глаза женщины округлились. Казалось, каждое слово тонкой иглой вбивалось в ее сердце, глубоко отравляя все внутри.

— Но, Провидица, ты же видишь, как я бедна? Кто меня послушает?!

— Передай фараону, что недуг сможет излечиться лишь тогда, когда он отпустит то, что не принадлежит ему и не принадлежало никогда, — спокойный голос лился тихой речкой, успокаивая нутро; рука женщины стихла в хватке Безликой.

— Великий Ра... Ладно, я побегу, сделаю все возможное, пусть даже это будет стоить мне жизни. Я расскажу все легенды, нет — истории, что ходят вокруг тебя, только прошу... Упокой его ка³, пусть в том царстве Анубис будет благосклонен к нему, — смахивая слезы, смотрела она в бледное, окостенелое лицо ребенка.

— Я не жрец, но сделаю все возможное, Эва. Беги.

И она побежала, не слушая мысли и логику, не желая знать и думать ни о чем. День сменился ночью, Ра уже дважды проезжал по небосводу на своей колеснице, но никого не было. Провидица накинула капюшон, скрыла свое лицо под маской Анубиса. Она видела вновь ее — свою кончину. Не спеша она собирала свои немногочисленные вещи, и тогда все зашумело. Без спроса забежали крепкие мужчины и оповестили о приходе фараона. Они окружили Провидицу, готовые скрутить ее в любой момент. Наконец медленно в здание вошел фараон, едва переступая с ноги на ногу. Оглядев недоверчивым взглядом помещение, он прохрипел:

— Неужели все те люди из деревни так восхваляли вас, а у их Великой Провидицы из вещей только этот хилый стол? А дом-то недешёвый.

— Добро пожаловать, повелитель. Этой слуге вовсе не нужны другие вещи, а дом предоставил один ремесленник за спасение его жизни, — спокойно молвила она, преклоняясь и прижимая руку ко лбу.

— Как же вы спасли ему жизнь? — в бесцеремонном голосе фараона зазвучали сомнения.

— Ночью мне явилось видение, как кобра пожирала его плоть на берегах Нила. С утра он собирался омыться там, но я предостерегла, и он остался дома. Тогда действительно змеи всплывали из священных вод.

— Вот как. Допустим. Неужели не ведаешь, что некультурно при сыне Ра скрывать свой лик? Или есть что скрывать? — Стоило последнему слову фараона раздаться из его дряхлой глотки, как Безликую схватили охранники, норовя сорвать маску.

— Простите, великий правитель. Может, вы слышали: я всего лишь скромная ваша слуга и слуга Божественного Света, я не достойна показывать свое лицо. Я рождена лишь для видений и не могу солгать, иначе скоро моя душа отправится на Великий суд к Анубису. — Ее голос не дрогнул, отчего фараон с замешательством и ноткой уважения отдал приказ:

— Отпустите ее. А теперь поведай мне, откуда о моем недуге наслышана? Враг под боком или ты и есть он? — Он подошел вплотную, готовясь в любой момент своей дряхлой рукой сорвать маску божества.

— Я узрела видение. В нем под крики женщин и детей мужчины погибали от недуга, что язвами высасывал из них ка. Я видела, как скот от жажды бежал к водам Нила, но там густая алая жидкость слепляла их горла. Видела, как небесный гром и вспышки били в Великие гробницы, видела, как женщины под общий плач закапывали тела младенцев. Взирала, как зеленые насекомые пожирали последнюю еду прямо в руках бедняков, а те, истощенные, умирали на том же месте. Но вы не узрите это, никто не узрит: Великая Тьма окутает весь Египет — и Нижний, и Верхний — на три дня. Огня не будет, и окоченевшие тела будут покоиться под грудой песков. — Спокойным голосом она описывала ужасы, предрекая конец Египта.

— Что ты сказала?! Вообще соображаешь, перед кем свои бредни несешь? — Охранники скрутили Безликую, но та продолжала говорить так же тихо, однако ощущалось, будто каждое слово оглушало всех людей вокруг:

— Потомки назовут это «Божьей карой». Люди, что вечно были вынуждены скитаться и терпеть унижения, сейчас умирают в кровлях ваших владений. Эти несчастные всего лишь желали молиться своей Создательнице, но были заперты, а их тела истерзаны настолько, что смерть теперь — наивысшее благословение судьбы. Если вы отпустите их, Великая Создательница жизни смилуется, и ничего из сказанного не произойдет. Можете спрашивать у жителей этой деревни: мои предсказания точны, я всегда вижу то, что случится.

— То есть ты, шавка, указываешь мне отпустить тех рабов? Плебеев, что отрицали веру в Великого Ра и бредили о какой-то там Создательнице жизни? — брызжа слюной, кричал фараон так, будто жизнь в нем не держалась на последнем волоске. — Скрутить ее и казнить!

Безликая Провидица пыталась, кричала, молила, говорила, но разумы людей оказались затуманенными или просто пустыми. Ее речи утопали в Лете, и никто не воспринимал их всерьез.

— Душевнобольная! — так и обращались к ней все.

Видимо, страх душил старика так сильно, что он презирал и подозревал любого, кто смел хоть в чем-то попрекнуть его правление. Понимая, что не проживет долго, он все равно видел во всех угрозу, ждал, что его свергнут, а этой Провидице слишком потакал народ. И вот в час, когда великое светило садилось за горизонт, на столбах были подвешены пять человек. Четверо из них были в рядах «предателей», что якобы пытались идти против фараона, а пятая фигура, скрытая накидкой и все так же в маске, казалось, смотрела куда-то вперед, за горизонт. Тогда под пристальным взглядом фараона и под радостные возгласы толпы в них полетели камни. Булыжники сначала царапали кожу, потом пробивали до мяса. Обагрились крепкие кнуты, лица исказились гримасами боли и ненависти. Лишь одна кричала, пытаясь дозваться до разума людей:

— Скоро все начнется, прошу, убегайте! Спасайтесь!

Она кричала и кричала, пока с очередным камнем ее голос не смолк, а тело не обвисло. Таинственная Провидица держалась дольше всех, но вот и ее душа покинула тело. Люди замолчали.

— Ну что, стихли?! — не успел рев фараона дойти до людей, бедняков и зевак, как небо разрезала ослепляющая полоса. От грома заложило уши, но тут же визг толпы вновь прочистил их. Вода каплями забарабанила по земле.

— Успокойтесь! Это... — фараон смолк, скрючившись и упав; его тело прошила невыносимая боль.

— Вода! Нил наполнился кровью! — надрываясь, голосили люди где-то в толпе.

— Мой дом заполнила саранча! — визжала женщина.

— Почему сумерки сгущаются так быстро?!

Через толпу скользила тень, которую вновь и вновь намеревались затоптать беснующиеся. В панике она вскочила на площадку и направилась к последнему столбу — тому, где веревками было привязано мертвое окровавленное тело Провидицы.

— Провидица?! — отчаянно повторяла она, пытаясь разрезать веревки, но вдруг накидка обвисла, заструилась между канатами и упала на землю. — Провидица? Это я, Эва... Где... Где вы?

Тела уже не было, только маска со звоном опустилась рядом, но толпа прошла по ней, раскромсав в крошки. А накидку подхватил ветер, вырвал из рук женщины и унес куда-то в неизвестность.

— Великий Ра... Провидица, где же ты? Ты же существовала?

Конец XVII века, Франция, Нормандия.

— Мерзавка! Ведьма!

Толстые грязные мужские пальцы сжимали бледную худощавую руку. Другую ладонь необтёсанный бедняк запустил в рыжие спутанные кудри. Больно сжав их в кулак, он что было мочи дёргал их.

— Прошу, отпустите! Я не виновата! — надрывный женский крик смешался с плачем.

Некоторые зеваки обходили эту сцену, кто-то нагло решил остановиться недалеко, кто-то подначивал бедняка издеваться над молодой девушкой, но никто не спешил заступаться. Она, кажется, и сама уже не питала надежды на помощь. Её яркие рыжие волосы и выразительные зелёные глаза испугали бы даже самых смелых.

— Ведьма! Ведьма! — поддерживала гомон образовавшаяся кучка подобных нищих.

— А впрочем, на кой чёрт тебя держать до сжигания? Сдохни сейчас! Ответишь за мою жену! — бедняк вытащил ржавое подобие ножа и приставил к горлу девушки.

Зловоние било в нос; грязь тут была привычным делом, хлюпая по ней, кареты и дорожные возки, запряжённые лошадьми, то и дело сталкивались с людьми. Ржание разбавляло недовольный гул. Девушка закрыла глаза, перестав сопротивляться: видимо, даже ей стало очевидно, что во всей Франции едва ли сыщется человек, готовый помочь ими же названной ведьме.

— Остановись, смертный! — громом прозвучал чей-то голос.

Чёрной тенью, укрытой накидкой, незнакомка протиснулась сквозь толпу. Мужчина замер, пытаясь выцепить её взглядом, но не спешил убирать оружие, что сталью холодило тонкую женскую кожу.

— Кто ты такая? — выплюнул он, бегая маленькими злобными глазами по толпе подобных бедняков.

— Кто дал право тебе вершить судьбы людей? Эта девушка служит в лечебнице и скоро создаст эффективное лекарство от «черной смерти»! — капюшон закрывал лицо таинственной защитницы, но некоторые из толпы все же узнали ее.

В народе ее прозвали Провидицей. Кто-то робел перед ней, кто-то бросал презрительные усмешки, но открыто ничего не выражал. Было в ней что-то, что заставляло благоговеть и бояться, вызывая желание верить, но отчего-то противиться ее предсказаниям. В зеленых глазах девушки маленькой искрой просияла надежда. Прижав руки к сердцу, она будто молилась за таинственную незнакомку. Вот только слова Провидицы лишь разожгли ярость бедняка:

— Эта тварь запустила свою дрянь пушистую к моей жене, и та покрылась язвами! Это она послала распространить проклятие!

Провидица посмотрела под ноги мужчины, где валялись клочки спутанной черной шерсти. Самого животного рядом не было.

— Да не насылала я! Я вообще лекарь! Это была моя кошка! Она не разносит мор! Это все мелкие грызуны...

Девушка, набравшись храбрости, попыталась вырваться, но тщетно. Мужчина небрежно зажал ей рот, не дав договорить.

— Оставьте ее. Я видела, я знаю: эта зараза унесет еще бесчисленное количество жизней — чьих-то родных и близких. Эта девушка способна сократить число жертв, если вы оставите ее. Поверьте, ее спасение окупится уцелевшими жизнями! — пусть голос ее оставался серьезным, но в нем был отчетливо слышен страх за те жизни, до которых «черная смерть» еще не дотянула свои смертоносные когти.

Зеваки удивленно заохали и заахали, теперь уже готовые верить на слово таинственной Провидице.

— Вы мне не верите, вы сомневаетесь — это естественно. Но поверьте, врать я не могу, — голос ее будто касался самых гнилых частей душ, что были заперты в телах этих бедолаг.

Вот только ее слова казались лишь вызовом, а сама она — не более чем искусным оратором, что разжигал ярость бедняка:

— Если она может излечить от заразы, то зачем прокляла мою жену?! А я скажу! Оттого, что истина проста и эта чертовка — обычная ведьма! — сталь сверкнула в воздухе, но, не успев коснуться обнаженной шеи девушки, была перехвачена крепкими мужскими руками.

Подоспевшие мужчины, одетые в одежды побогаче, громко закричали:

— Связать его!

Видимо, вагабонд⁴ не первый раз переходил кому-то дорогу, и, воспользовавшись хаосом, рыжая девушка метнулась к спасительнице.

— Нет! Не подходи! — внезапно отмахнулась Провидица, будто отгоняя назойливую муху. — Убегай!

— Что? — девушка действительно остановилась, но вдруг ее бледное лицо скривилось в презрительной усмешке: — Что, тоже боишься моей благодарности? — попытавшись то ли в гневе, то ли в отчаянии схватить своей исполосованной шрамами рукой длинный рукав Провидицы, она вдруг замерла.

Зеленые глаза закатились, и, как от удара, она осела прямо в центре разбушевавшейся толпы. Провидица обернулась, взглянув куда-то вдаль, словно собираясь сбежать туда, где истошно в небесах орали вороны. Но вопреки ожиданиям, развернулась и поспешила к рыжеволосой девушке без сознания. Стоило ей схватить худощавую руку, как ее запястья сжали в то же мгновение. — Она защищала ведьму! — прокричал чей-то визгливый голос прямо над ухом. — Я защищала не ведьму, а лекаря. Вы... — но голос Провидицы заглушил гомон ликующей толпы.

Бедняки поволокли ее куда-то, словно тряпичную куклу — долгожданный трофей, на ком можно излить свою накипевшую ярость. Пусть Провидица так и не откинула капюшон, будто боясь обнажить лицо, но взгляд ее сквозь ткань, казалось, был направлен на одиноко лежащее в грязи тело, некогда названное «ведьмой». Рыжие кудри смешались с землей и свежей кровью, на животе зияла небольшая рана. Люди, кажется, уже и позабыли о ней, списав на мертвую, но стоило толпе отойти, волоча куда-то новую жертву, девушка, будто очнувшись от ужаса, отползла и спряталась меж домов.

Ветер трепетал тонкое платье, что со всех сторон было коряво зашито, а заплатки то и дело обвисали. Черная на вид, старинная донельзя накидка струилась волнами, пока до смешного большой капюшон верно служил хозяйке, не позволяя оголить лицо. Лишь тонкие, почти прозрачные руки торчали, перевязанные тугими канатами до посинения. Люди в жалких одеждах, на коих дырки, казалось, плодились, как жадные мелкие грызуны, сносили сено к ее ногам. Ветер подхватывал маленькие травинки и кружил, щекоча босые ноги. Дождь отбивал прощальную мелодию ее скромной жизни. Волновали ли ее судьбы тех бедолаг, что приходили к ней, моля о помощи? Излечить от хвори, подсказать, что делать, когда голод выкашивал их посевы быстрее них. А может, она размышляла о тех крошках засохшего хлеба, что в благодарность принесла одна из бедняков самых низов за пророчество, что спасло от черной смерти? Кажется, все неверно. Тогда о ком она думала и волновалась? Может, о своих палачах?

Вот уже под хриплый смех и детский плач пляшущий огонь поднесли к соломе. Сквозь гомон зевак внезапно прорвался звонкий голос.

— Не трогайте ее! Она... Она не виновата!

Неизвестная, натягивая капюшон, что был наспех сшит из пары тряпок, только бы скрыть рыжину кудрей, отпихивала людей, силясь дотянуться до человека с огнем. Тот самый, что когда-то пытался перерезать ей горло и, видимо, сбежавший от тех крепких мужчин, теперь, выпячивая распирающую от омерзительной гордости грудь, размахивал горящей палкой. Каждый раз нарочно слишком близко, но так далеко от сена.

— Жечь ведьму! Жечь! — вторили его крикам большая часть зевак, не замечая кричащую.

— Она не ведьма! Не смей! — когда искры запылали, очерняя кончики соломы, хилая на вид рука вцепилась в стальную мужскую.

— Ты кто такая?! — огрызнулся бедняк, но, вспомнив о толпе, сжал до посинения руку незнакомки и крикнул: — Смотрите! Вот она — сообщница этой бесовщины!

— Нет... Нет! — испуганно попыталась вырвать руку спасительница, но все попытки оказались тщетны.

Только избежала участи, чтобы вновь самой вернуться в руки палачу? Но ее спасительницу жгут за то же...

— Жгите! — в громогласном мужском голосе на секунду утонул шум уличного хаоса.

Все глаза, и стариков, и младенцев, тогда уставились на таинственную ведьму, привязанную к колу, что некогда они сами прозвали Провидицей. Даже защитница вскинула голову и замерла.

— Отпустите ее! — слова кинжалами разрезали тишину, но голос затих, и тысячи шепотов медленно перерастали в гул.

— Ну вот видите! Отважная нечисть попалась! Теперь ты, дорогуша! — с мерзкой ухмылкой мужчина сорвал капюшон, что и так вот-вот распался бы на лоскуты.

Неумело заплетенная наспех коса тут же развалилась. В зеленых, как травы, глазах блеснули капли слез.

— Ты ж... Выжила, сука! Бежала за нами через полгорода, лишь бы свою хозяйку не бросить?! Даже этими тряпками обзавелась! — бедняк поймал и скрутил тонкую руку в неестественную позу, но вместо всхлипов и плача девушка внезапно полоснула его чем-то в свободной руке.

Глубокая рана прошла от локтя до запястья, хватка ослабла, и, воспользовавшись моментом, девушка сиганула к толпе, бросив быстрый взгляд на Провидицу, висящую на колу. Даже в таком жалком положении в ней было что-то, что заставляло сердца замирать. Видел ли кто-то когда-нибудь ее лицо?

-- Изворотливая попалась, а тем лучше... — прорычал мужчина, сжимая кровоточащую рану.

— Да, он прав! Это я ведьма! А ту, что вы жжете, — обычная смертная! — крича что было мочи, девушка припустила к лесу, уводя более сильных и быстрых за собой. — Ну же, поймайте ведьму! Ту, что губит ваших близких! А простую смертную бросьте, ха-ха! — истеричный смех лишь дополнил ее безумный образ в глазах зевак.

И ведь правда: поверили и крупные, необтесанные или просто обиженные судьбой головорезы, да и обычные бродяги бросились за ней.

— Стойте! Еще эта тварь не сгорела! — пытался дозваться до них мужчина, но, поняв, что все тщетно, окинул взглядом поредевшую толпу. — Ха, значит, та ведьма подумала увести мою публику... О, взгляните! — обратился он к зевакам, смотря на палку, где уже почти потух огонь. — Эта нечисть и забирает души наших родственников! Из-за таких родилась черная смерть! Это они подсылают в наши дома хворь, губящую детей и стариков! Валящую с ног нехилых мужей! И пусть, если богиня, наша Великая Мать, в этом мире есть, то эта ведьма сгорит в адских муках! Как и та рыжая, что сбежала. Смерть им, да очистит огонь нашу землю! — читая тираду на радость зевак, он кинул едва горящую палку в сено.

Провидица, вопреки ожиданиям, не кричала, не молила, будто смерть ее не волновала вовсе, а скорее...

— Бегите! И не трогайте ту невинную душу! Такова воля нашей богини! — внезапный, почти молящий крик затмил весь шепот, когда искры заиграли в сене, постепенно превращаясь в пламя.

— Думаешь, в твои бесовские уловки кто-то поверит? Еще веру затронула, скотина! — ядовито отчеканил бедняк, пока в его маленьких глазах рождался дьявольский огонь.

— А может... Может, это правда... — неуверенно протараторила женщина с ребенком на руках.

— Не позволяйте дьявольским речам закрывать ваши глаза на правду! Иначе примкнете к ним... — выплюнул бедняк, презрительно меря взглядом женщину, пока та робко не попятилась назад, скрывшись в толпе.

— Спасайтесь! — повторила Провидица, перебивая бесконечные речи работяги, пока пламя лизало ее пятки.

— Отчего же нам спастись, по-твоему? Если главное зло тут же и умрет...

Внезапные вскрики прервали его тираду. Люди со страхом в глазах уставились в сторону леса, где скрылась рыжая девушка, уведя за собой народ. Никто не вышел из густоты деревьев; оставалось гадать, что значил тот крик. Расценив его по-своему, инспиратор воодушевился:

— Наконец-то! Великая богиня услышала нас! — циничный смех мужчины, казалось, граничил с помешательством.

Люди как птички отпрянули от сценки. Огонь медленно обвивал накидку, бесстыдно запуская под нее свои руки. «Ведьма» не проронила ни слова, пока ее очертания исчезали в пламени под смех злорадствующего мужчины, что, как в приступе, сгибался от хрипов.

— А! — визг и топот приближающихся людей со всех сторон, будто в животном страхе бегущих от кого-то, заставили зевак наконец оторваться от этого зрелища.

Топча друг другу ноги, сбивая тех, кто поменьше, все бросились в разные стороны. С пискom к ним приближалась стая черных, как смоль, крыс. Бедняк, что заливался смехом, вдруг смолк. Растерянными глазами он посмотрел на догорающий кол. К его ногам ветер верно принес обгоревшие лоскуты накидки. А кого казнили?

Она вновь открыла глаза и вновь жадно вдохнула воздух. Вот снова жизнь началась, чтобы... закончиться. Она была везде: и в папирусах древности, и в наскальных рисунках, и в первых летописях, а может, и в байках, но никто не знал, кто она на самом деле и отчего живет так долго. С самого зарождения человечества и до конца... Жизнь текла, а она шла против течения, пытаясь ухватить в ладони хоть капельку, но та сразу ускользала из рук. Гонимая жаждой, она пыталась вновь и вновь, но все тот же бесстрастный голос звучал в голове: *«Dei voluntatem exsequens, пытаюсь сплести свою судьбу с чужой, ты вновь и вновь будешь безжалостно разрывать их. Лишь осколкам воспоминаний и отрезкам чужих судеб суждено навеки покоиться на твоих ладонях и оставлять незаживающие шрамы там...»* «Разрывать? Но ведь они смотрят так искренне, я правда не наврежу им... Мама, это ведь так? Мама? Мама... Прости...» — никогда больше она не получала ответа. Может, та, кто создала ее, может, та Великая Матерь жизни, намеренно наделила ее такой силой и... проклятием? Каждый день она видела только сотни судеб, не имея возможности коснуться их, не имея права солгать. В ее голове всегда хаотичным потоком текут их истинные мысли. Она рождалась вновь и вновь, чтобы снова почувствовать боль смерти, но не умереть. Долгие касания их обычной и такой теплой кожи навсегда оставляли там черные следы, невольно забирая всю силу, но что она может сделать против? Против своего естества: сколько бы ни противилась, а всегда рождается с таким телом и умирает с ним же. Вновь открывать глаза, видеть будущее, знать все трагедии, но молчать, пока крик совести сам не заглушит ее истинный голос, чтобы вновь видеть злость и разочарование в людских глазах... Хотя наделена она не только даром видения и проклятием касаний, что забирают силы, подвластно ей и слышать истинные мотивы людей, оттого более нечему удивляться ей. Всегда идя по тонкой одинаковой нити судьбы, что кольцевалась в сансару. Ее плоть сжигали, закидывали камнями, топили, разрезали сталью, но вновь она, бледная, почти прозрачная, служила ей броней. Вот и вновь, спустя сотни жизней, она начала новую, но что уготовила судьба в этот раз?... И готова ли она сама?

Сноски:

Fragmento Divino¹ -божественный осколок.

Интересно знать: Левый глаз-символика греха и не идеальности.

Dei voluntatem exsequens²-исполняющая божью волю.

Ка³-душа.

Вагабонд⁴-бедняк, бродяга во Франции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.